

Вопросы Я.И. Свирского к Ю.М. Резнику

1. Безусловно, у каждого человека есть своя «философия» – от политиков-популистов до бабушек у подъезда. Под «своей» философией Вы понимаете «особую экзистенциальную практику, направленную на постижение и разрешение смысло-жизненных вопросов», что помогает человеку жить. Но не тоже ли самое понимают под ней популисты и бабушки? Не путаем ли мы здесь философию как определенный многовековой род интеллектуальной и не интеллектуальной деятельности с некой, на мой взгляд, весьма незначительной, функцией такой деятельности – функцией, которую в «академической» среде именовали (и сегодня нередко именуют) «мировоззренческой»? Кстати, какой смысл Вы вкладываете в словосочетание «академическая философия»? Более того, каким образом философ, профессионально помеченный учеными степенями и научными званиями, может отделять «свою» философию от той, которую он излагает в собственных писаниях и выступлениях на агоре?

2. Иное в Вашей трактовке имеет много значений. Оно коренится «в мировой культуре (всеобщем, объективно-идеальном) или трансцендентном (божественном)». Оно – то, чего не достает в мире наличного бытия (философия нехватки Гегеля); оно – «буферная зона между бытием и небытием, которая характеризуется освобождением “Я“ от всего внешнего в нём или привнесённого извне (Левинас)»; оно «характеризуется человечностью как истинно-сущим, а затем сверхчеловечностью, восходящей к миру трансцендентного (миру объективных идей, Абсолюту и пр.); и т. д. и т. п. Более того «к сущностным характеристикам бытия иного» Вы относите, «прежде всего, свободу духа как свойство человеческого сознания». И далее, «человек есть то, чем он может стать в соответствии с представлением о трансцендентном. Трансцендирование есть способ актуализации будущего (выход за пределы самого себя в мир иного)». «Иное в человеке мыслится как “истинная человечность“». Не кажется ли Вам, что здесь мы можем перефразировать знаменитый афоризм Шарля Монтескье – «Если бы треугольники создали себе бога, он был бы с тремя сторонами» – в другой: «Если бы треугольники задумывались об ином, то иное было бы у них совершенным, аутентичным треугольником»?

В таком случае несколько парадоксальной становится цель предлагаемого Вами онтопроекта: актуализировать «возможности человека стать иным, обрести инобытие, а тем самым исполнить собственное человеческое предназначение в мире (реализовать возможность бытия истинно-сущего) или возвыситься над ним и “войти в вечность“ (возможность абсолютного бытия)», причем человек «должен изменить себя (но не изменить себе)» и «изменить себя по сути, а не по форме». Как же тогда можно говорить о чем-то ином? Ведь иное, как мне (и

не только мне) представляется, – это именно то, что выходит за пределы любой человеческой интерпретации и себя, и мира, и Бога. Для экспериментирующего естествоиспытателя иным будет внешний мир; для практикующего физиолога иное – внутренние органы живого существа (а шире: телесность); даже бессознательное, аффекты, сумеречные состояния психики (в т.ч. экстатические состояния верующего) могут выступать в качестве иного, т.е. нечеловеческого. Тогда, как можно интерпретировать термин «аутентичность», если иметь ввиду нечеловеческое иное и не апеллировать к очеловеченной («треугольной») области божественного трансцендентного?

3. Не кажется ли Вам, что предлагаемое в Вашей трактовке истолкование иного оказывается слишком уж морально окрашенным? Так, Вы говорите, что «иное выступает как не проявленное вовне бытие потенциально-должного» (тут, на мой взгляд, чувствуется привкус просвещенческих иллюзий)? Не указывает ли оно на своего рода оптимистический консерватизм, ибо человек, познавая иное, «доверяет себе постольку, поскольку доверяет чему-то иному, а именно трансцендентности», а «разные образы инобытия человека» выступают «как воплощения его человечности». «Иное в человеке мыслится как “истинная человечность“, проект миро-бытия (под иным здесь подразумевается “мирская“ человечность), проект события “Я – другой“ (иное – межчеловечность) и, наконец, трансперсональный проект (иное – метачеловечность или сверхчеловечность)». Индивидуальную возможность инобытия человек обретает вместе с другими людьми как с равно-сущими.

Здесь, как Вы говорите, осуществляется движение от себя прежнего к себе иному, а каждый из нас выступает «вместе с тем в качестве проектного образца для других людей». Здесь, на мой взгляд, мелькает тень Канта с намеком на личностное знание того, как конкретно надо действовать (от чего сам Кант принципиально отворачивается). Так ли это? Такой намек обретает, так сказать, «плоть», если обратить внимание на то, что «иное выражается, в частности, в виде личных принципов как наиболее общих установок, которые формируются не в соответствии с принятыми социальными нормами, а чаще всего вопреки им». Но выступание против каких-либо установок предполагает, по-видимому, формирование иных – пусть даже индивидуальных – установок, а значит пребывает в области каузальности, которая противопоставляется категорическому императиву. Тогда, не происходит ли здесь неявное разведение морали и этики, о чем в последнее время немало написано и сказано. Как Вы могли бы проинтерпретировать – в рамках Вашей концепции – такое различие между моралью и этикой, если оно в ней присутствует?